

$$=df \{ ([\{ \text{алич} \cdot \text{а'груп} \} (* \{ \text{Алич} \cdot \text{А'груп} \}])) \{ \text{тлич} \cdot \text{т'груп} \} \} =df \\ =df \{ ([\{ \{ \text{алич} \cdot \text{а'1} \} + \{ \text{алич} \cdot \text{а'2} \} + \{ \text{алич} \cdot \text{а'3} \} + \dots + \{ \text{алич} \cdot \text{а'N} \} \} (* \{ \{ \text{Алич} \cdot \text{А'1} \} + \\ + \{ \text{Алич} \cdot \text{А'2} \} + \{ \text{Алич} \cdot \text{А'3} \} + \dots + \{ \text{Алич} \cdot \text{А'N} \} \}])) \{ \{ \text{тлич} \cdot \text{т'1} \} + \{ \text{тлич} \cdot \text{т'2} \} + \\ + \{ \text{тлич} \cdot \text{т'3} \} + \dots + \{ \text{тлич} \cdot \text{т'N} \} \} \}.$$

Таким образом, системная методология Параметрической ОТС даёт неоценимые до сих пор возможности для экспликации как теоретических положений социологии управления Ч.Бернарда, так и теоретизации огромного числа других концепций в любой области человеческих знаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Бергаланфи Л. фон. История и статус общей теории систем / Людвиг фон Бергаланфи // Системные исследования. Ежегодник, 1973 / [под ред. Д.М. Гвишиани, В.Н.Садовского и др.]. — М. : Наука. 1973. — 230 с. — С.152—180.
2. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор / Людвиг фон Бергаланфи // Исследования по общей теории систем. — М. : Наука. 1969.
3. Бернард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы ценности в организации : [монография] / Честер Бернард ; пер. с англ. В Кошкина. — М., Челябинск : Социум, ИРИСЭН, 2012. — XXXII + 333 с. — (Серия: “Актуальная классика менеджмента”)
4. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем : [монография] / Авенир Иванович Уёмов. — М. : Мысль, 1978. — 272 с.
5. Уёмов А., Сараева И., Цофнас А. Общая теория систем для гуманитариев: учебное пособие. / Авенир Уёмов, Ирина Сараева, Арнольд Цофнас. ; [под общ. ред. А. И. Уёмова]. — Варшава : Wydawnictwo Uniwersytas Rediviva, 2002. — 276 с.
6. Уёмов А.И. Основы формального аппарата параметрической общей теории систем / Авенир Иванович Уёмов // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1984 / [под ред. Д.М. Гвишиани, В.Н.Садовского и др.]. — М. : Наука, 1984. — 365 с. — С.152—180.
7. Avenir I. Uyemov. The Ternary Description Language As A Formalism For The Parametric General System Theory. \ International Journal of General System, 1999, Part 1: Vol. 28 (4-5), pp. 351-366.
8. Avenir I. Uyemov. The Ternary Description Language As A Formalism For The Parametric General System Theory. \ International Journal of General System, 2002, Part 2: Vol. 31 (2), pp. 131 — 151.
9. Avenir I. Uyemov. The Ternary Description Language As A Formalism For The Parametric General System Theory. \ International Journal of General System, 2003, Part 3: Vol. 34 (8), pp. 545 — 579.
10. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: Логико — методологический анализ : [монография] / Владимир Николаевич Садовский. — М. : Наука, 1974. — 265 с.

Лисоколенко Т. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социально-политических и правовых наук Славянского государственного педагогического университета.

УДК 141.78+80:1

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И К. АПЕЛЯ

В статье рассматривается языковая игра как спорный элемент философского наследия Л. Витгенштейна и К. Апеля. В центре анализа находится плюральность языковых игр Л. Витгенштейна и "идеальная" языковая игра К. Апеля.

Ключевые слова: идеальная языковая игра, философия языка, языковая игра, язык.

СМИСЛОВИЙ ЗМІСТ МОВНОЇ ГРИ

Л. ВІТТГЕНШТЕЙНА І К. АПЕЛЯ

В статті розглядається мовна гра як спірний елемент філософської спадщини Л. Вітгенштейна і К. Апеля. У центрі аналізу знаходиться плюральність мовних ігор Л. Вітгенштейна та "ідеальна" мовна гра К. Апеля.

Ключові слова: ідеальна мовна гра, філософія мови, мовна гра, мова.

SEMANTIC CONTENT OF WITTGENSTEIN'S AND APEL'S LANGUAGE GAMES

The language game as an arguable element of philosophical heritage of L. Wittgenstein and K. Apel was investigated in this article. The plurality of language games of L. Wittgenstein and an «ideal» language game of K. Apel are in the centre of analysis.

Key words: *an ideal language game, language philosophy, a language game, language.*

Актуальность выбранной темы обусловлена возросшим интересом к языковой проблематике в различных отраслях гуманитарного знания. И философия в этом плане не является исключением, что связано с лингвистическим поворотом, привлечшим внимание к сущности языка как социально-философской категории и стимулировавшим развитие социолингвистики в целом. Все большей популярности набирают, как попытки осмыслить роль языка в процессе человеческой жизнедеятельности, так и поиски ответов на вопрос о сущности прагматики различных типов языковых игр. Сегодня при помощи языковых конструкций, поливариантности их интерпретаций, осуществляются различные спекуляции с языком, которые можно считать языковыми играми как в широком смысле – игры науки, культуры, политики, так и в узком – определенные игры конкретных социальных групп в повседневной жизни в рамках различных социальных институтов. В свете этого как нельзя, кстати, звучат слова Ф.Ницше о том, что: «значение языка для развития культуры состоит в том, что в нем человек установил особый мир наряду с прежним миром, – место, которое он считал столь прочным, что стоя на нем, переворачивал остальной мир и овладевал им» [8, с.23].

Поскольку категория "языковая игра" является достаточно "разноликой", то для ее разностороннего анализа необходимо исследование, как лингвистической литературы, так и философской. Исходя из этого, источниками данной статьи послужили разноплановые исследования, среди которых необходимо выделить как непосредственно работы К. Апеля [1,2,3] и Л. Витгенштейна [4], так и ряд других как философских, так и междисциплинарных работ В. Завгороднюка [5], М. Макарова [7], Ю. Прохорова [11], Дж. Остина [9] и др. известных исследователей.

В данной статье речь пойдет об определенных моментах соприкосновения философских позиций Л.Витгенштейна и К.Апеля в контексте проблематики сущности языковых игр. И если с личностью Л. Витгенштейна, который считается основоположником концепции языковых игр все понятно, то закономерно возникает вопрос: почему же ему в оппозицию выбран именно Карл Апель? И здесь, конечно же, следует сказать о том, что идеи Л.Витгенштейна «во многом послужили не только "философии обыденного языка" <> но и оказали серьезное влияние на многие современные постмодернистские и герменевтические подходы» [12, с. 366], одним из реперезентентов которых и является К.Апель. Однако он далеко не полностью разделял мнение Л.Витгенштейна по многим вопросам его концепции языковых игр, что связано с тем, что он, в отличие от Л.Витгенштейна, сосредоточился на поиске фундаментальных абсолютных параметров языка, а не на репрезентации его уникальности и плюральности.

Базируясь на этом положении, *цель* данной статьи заключается в проведении компаративного анализа сущности понимания языковой игры Л.Витгенштейном и К.Апелем. Ставя задачу, таким образом, мы имеем возможность отследить как схожие моменты в их понимании сущности языковой игры, так и найти их противоположные позиции, что само по себе будет способствовать расширению границ интерпретации языковой игры.

Поскольку понятие языковой игры относится к философии постмодерна, то необходимо дать общий смысл его трактовки. Итак, в постмодернистском понимании языковыми играми принято считать те, которые «являются наиболее существенной формой презентации языка как в процессе овладения им <>, так и в процессе ставшей языковой динамики» [10, с. 1023]. В современном общественно-гуманитарном знании языковые игры рассматриваются как "социальная реальность", обеспечивающая социальный порядок и социальное взаимодействие. Именно такие игры позволяют анализировать речевую реальность как социальную в игровой плоскости, очерчивая речевые возможности социокультурного опыта субъекта.

Говоря о языковых играх необходимо указать также на разность позиций в их понимании. Бинарность подходов демонстрирует М. Макаров в работе «Основы теории дискурса», выделяя позитивистский и интерпретативный подходы, суть различия которых заключается в следующем. Позитивистский анализ языковых игр отстраняет исследователя, делая его зрителем, наблюдателем,

желающим постичь абсолютную истину, « \diamond при этом он исходит из представления социального мира как единообразной упорядоченной системы \diamond » [7, с.48]. Интерпретативный подход, в свою очередь базируется на анализе, где наблюдающий – сам выступает в роли участника всех социальных процессов. Конечно, оппозиции при понимании языковых игр этим не исчерпываются, что и будет продемонстрировано при раскрытии особенностей понимания сущности языковых игр Л.Витгенштейном и К.Апелем.

Именно Л. Витгенштейн положил начало осмыслению языка как игры: «весь процесс употребления слов в языке можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры "языковыми играми" \diamond "Языковой игрой" я буду называть \diamond единое целое: язык и действие, с которым он переплетен» [4, с.227]. Таким образом, язык в данном случае можно понимать как различные операции со словами в конкретных социальных ситуациях. Фундаментальное положение, подводящее его к этому, заключается в осознании того, что язык определяется не структурно, а эмпирически, т.е. выполняемой им ролью в социуме. Язык для Л.Витгенштейна является не чем-то замкнутым, а выступает как: «лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь где выход; подойдя же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода» [4, с.337]. Одним из основных становится вопрос о социальных практиках, наделяющих сами высказывания смыслом. Язык у Л.Витгенштейна существует для обеспечения процесса социального взаимодействия, можно сказать даже процесса коммуникации. К.Апель же, в свою очередь, подходит к анализу языка в контексте исследования герменевтической проблематики, рассматривая при этом акты языковой коммуникации как языковые игры, участники которых выступают друг для друга текстом, так как очень важно, чтобы каждый интерпретатор, создавая свое новое содержание истолковываемого, был понят верно. Само коммуникативное пространство как «совокупность сфер речевого общения» [11, с.113] имеет своей предпосылкой особый языковой консенсус, раскрывающийся через принятые в данном социуме языковые и прагматические правила. Понимание предусматривает обоюдную реконструкцию высказываемых текстов и является также необходимым регулятивным принципом коммуникации. Поэтому на первый план в концепции К.Апеля выдвигается ее герменевтическая составная, которая определяет понимание как взаимопонимание участников коммуникации. И сам собой напрашивается вопрос: откуда мы знаем, что нас поняли правильно? Для этого существуют определенные правила, или, как о них говорит К.Апель, консенсусы. Л.Витгенштейн указывает на то, что мы сами обучаем друг друга правилам языковых игр. В «Философских исследованиях» это представлено на множестве примеров. Так, он пишет и о том, что мы сами обучаем ребенка новому "болевому поведению", тем самым включаем, встраиваем его в общепринятые рамки данного социума, заставляя его "играть" по определенным, установленным правилам. Согласно позиции Л.Витгенштейна, наличие самих правил в языке раскрывает практическую сущность языка, которая связана как с культурным, социальным, так и ситуационным контекстом. Л. Витгенштейн утверждает: «игра становится именно шахматной игрой благодаря всем ее правилам, \diamond где осуществляется связь между смыслом слов "Сыграем партию в шахматы!" и всеми правилами игры? Ну, в перечне правил игры, при обучении игре в шахматы, в ежедневной практике игры» [4, с. 334-335]. Языковые игры Л.Витгенштейна, согласно К.Апелю, конституируются неким правилом поведения единства языкового употребления, конкретной ситуацией. И в действительности, Л.Витгенштейн этого не отрицает, заявляя: «следовать правилу, делать сообщение, давать задание, и играть партию шахматы – все это *практики* (применения, институты)» [4, с.336] (курсив мой – Т.Л.). Ставя знак равенства между значением и употреблением, он акцентирует внимание на том, что язык – это не статическая система, а динамическая, которую следует понимать как различные вариации использования слов в конкретных социальных контекстах, где само означаемое живет лишь в употреблении. То есть, если следовать за мыслью Дж.Остина, одного из основоположников теории перформативных актов, Л.Витгенштейн имеет в виду следующее: «если некто произносит \diamond высказывание, мы говорим, что тем самым он не просто говорит нечто, но делает нечто» [9, с.264].

Однако, К.Апель не совсем принимает позицию австрийского философа, особенно в контексте "ситуационных правил" языковых игр. Вводя понятие "идеальной языковой игры", выступающей условием возможности и значимости взаимопонимания, он акцентирует внимание на том, что процесс взаимопонимания априори связан с "конвенциональными" правилами, определяющими правила игры в социальном контексте. Данные правила являются своеобразными метаправилами, что говорит об их принадлежности, согласно К.Апелю, не определенным языковым играм, а к трансцендентальной языковой игре коммуникативного сообщества, выступающей своеобразным

базисом для всех других языковых игр: «эта \diamond языковая игра должна быть принципиально способной к принимающему участию во всех "данных" языковых играх» [2, с.228]. Именно на нее К.Апель возлагается контроль за соблюдением правил индивидами конкретного сообщества.

Вводя понятия идеальной языковой игры, К.Апель ограждает себя от поиска ответа на вопрос: как долго могут существовать установленные правила языковых игр? Опираясь на позицию Л.Витгенштейна, можно предположить, что сама стабильность и длительность существования правил зависит и определяется конкретным социальным институтом определенного общества. Участникам социальной действительности принадлежит как право легитимации и интерпретации знания, так и изменения правил игр. Согласно Л.Витгенштейну, правила и технику игры необходимо менять тогда, когда субъекта либо перестали понимать окружающие, либо когда не все пошло так, как было задумано инициатором конкретной игры. Другими словами, возможно, в данных случаях происходит смена аспекта видения проблемы (и научной, и бытовой). У Л.Витгенштейна это нашло выражение в примере смены зайца уткой (3-У-голова) «Я вижу две картины. На одной из них 3-У-голова в окружении зайцев, на другой – уток» [4, с.495]. К.Апель, акцентируя внимание на том, что человеку хоть и приходится играть по правилам существующей, доминирующей в данном обществе языковой игры, но эти же правила и изменяет сам человек, как субъект революционного процесса. «Для отдельного человека должно быть, возможно, вводить новые правила, которые не подлежат проверке в существующем коммуникативном сообществе на основании "парадигмы" существующей языковой игры» [3, с.253]. Происходит изменение самой парадигмы языковой игры в контексте смены целостной научной парадигмы. Из этого сам собой напрашивается вывод о том, что наша реальность не просто структурирована языком – правила языковых игр, их изменения демонстрируют нам то, каким образом мы видим реальность. Наделяя свою "идеальную" игру широким спектром полномочий, К.Апель е дает ответ на вопрос: как именно эта игра осуществляет функцию контроля: «Эта идеальная языковая игра предвосхищается каждым, кто следует правилу» [3, с.253]. Таким образом, можно предположить, что данная идеальная языковая игра выступает неким социальным фактом нашей действительности, могущим существовать, пока не изменится доминирующая в данном обществе парадигма.

Саму трансцендентальную языковую игру К.Апеля можно сравнивать с позицией "раннего", тяготеющего к логическому позитивизму, Л.Витгенштейна относительно статуса языка, которую он репрезентирует на страницах своего "Логико-философского трактата". Пытаясь придать нашим словам ясность, Л.Витгенштейн, допускает расчленение сложных языковых конструкторов на более простые, образующие некие атомы языка, которые соответствуют элементарным предложениям или фактам. В этой представленной упорядоченной картине языка, где ничего не существует просто так: каждое слово имеет свой смысл, каждая пропозиция выражает и передает регламентированное положение вещей. Л.Витгенштейн пытается найти, построить определенные схемы, лабиринты, которые помогли бы сделать мысль ясной и понятной. Но, уже впоследствии он отходит от этой позиции, считая ее чем-то нереальным. В том же духе К.Апель стремится подвести все языковые игры под четкую схему созданной им "метаязыковой" игры.

Исходя из плюральности социального бытия, Л. Витгенштейн говорит о том, что языковые игры образуют своеобразную семью, включающую в себя сложную систему взаимоотношений, которые во многом накладываются друг на друга, имеют множество сходств. Л. Витгенштейн, однако, не доводит до логического завершения сходство языковых игр, оставляя не решенной проблему отыскания единого фундамента для них, а лишь останавливается на их феноменологическом сходстве. Против только лишь феноменологического сходства языковых игр выступает К. Апель, заявляя, что: «Витгенштейн не сумел уловить ни собственно исторического момента в понимании, ни опосредованности в промежутке между распадающимися и вновь возникающими языковыми играми» [1, с.102]. Согласно К.Апелю, общий элемент всех языковых игр заключается в том, что вместе с обучением одному конкретному языку, с социализацией в определенной "форме жизни" происходит «обучение единственной языковой игре. \diamond При этом обретается компетенция для осуществления рефлексии над собственным языком или формой жизни и для осуществления коммуникации со всеми другими языковыми играми» [3, с. 253].

Поскольку для К.Апеля имеет большое значение именно герменевтическое понимание смыслов, он критикует Л. Витгенштейна за то, что он в "Философских исследованиях" не поднял вопрос о самой структуре языковой игры. К. Апель утверждает, что герменевтические языковые игры, вместе с той игрой, которая их интерпретирует, образуют единство языковой игры. «Смысловое содержание языковой игры истолковывается в герменевтической языковой игре; между двумя

языковыми играми должно установиться единство диалога» [1, с.95].

Саму языковую игру, по Л.Витгенштейну, необходимо принимать как своего рода данность, на которую мы хоть и можем влиять, но полностью изменить не можем, так как это единое целое и есть наша жизнь. А язык, в связи с этим, представляет собой собственную форму жизни: «представить же себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни» [4, с.232]. Отказываясь от пассивного статуса языка, Л.Витгенштейн возводит понятие формы жизни к понятию коллективной философии, которая включает в себя все языковые игры и всевозможные социальные практики. К.Апель в принципе имеет схожую позицию, его "трансцендентальная языковая игра" выступает как фундаментальная предпосылка аналитической философии языка и даже «может служить базисом отвечающей духу времени трансформации классической философии в терминах языка» [3, с.254].

И все же, какое место во всей трансцендентальной прагматике К. Апеля занимают языковые игры. К.Апель, конечно же, не удовлетворяет акцентирование внимания Л.Витгенштейна на плюральном значении роли языковых игр в обществе, он выступает против мнения фундатора языковых игр о том, что каждая вещь вне игры не имеет и названия. Поэтому, возможно, находим у него попытку сконцентрировать свое внимание на фундаментальном положении языка и главных сущностях языковых игр, их значении, приведшего его в итоге к единству языковых игр (в основании с герменевтической). При этом существуют и другие подходы к рассмотрению смысловой прагматики языковых игр. Например, Ж.-Ф. Лиотар, позиция которого несколько отличается от предложенной К.Апелем, так как он связывает прагматику игры с легитимацией социальных связей. Ж.Лиотар, задавая вопросом: как происходит легитимация в постсовременную эпоху? Отвечает – через различные операции с языком, через различные типы языковых игр, которые теперь, после многочисленных "языковых" трансформаций, наблюдаются в литературе и науке. Выдвигая на страницах своей книги «Состояние постмодерна», положение о том, что эпоха метанарративного механизма легитимации знания уже прошла, Ж. Лиотар утверждает наличие множества различных языковых игр, существование которых обусловлено тем, что они представляют собой один из основных элементов, делающих возможным общественное взаимодействие. Таким образом, мы видим, что тот апелевский акцент на идеальной сущности игры, стоящей на ступеньку выше от всех других языковых игр, у Ж.Лиотара смещен на акцентировании главенствующей роли языковой игры при легитимации социальных связей в процессе наррации. Согласно Ж.Лиотару, нарративная форма знания « \diamond допускает внутри себя множественность языковых игр» [6, с.55]. Исходя из чего, можно говорить, что Ж. Лиотар, отталкивался от понимания рассказа как обретаемого смысла в самом процессе наррации. Именно с нереализованностью этого подхода Ж.Лиотар и связывал кризис философии, пытавшейся проводить линию полной легитимации знания, что, попросту невозможно, т.к. « \diamond мы оказываемся в области террора, где социальная связь разрушается» [6, с.100]. Однако, современный исследователь В.Завгороднюк, рассматривая эту проблематику, говорит о том, что акцентирование внимания философов постмодернистской ориентации на равнозначности и несовместимости языковых игр, отрицание наличия любого метадискурса обрекает философию «або на деструкцію в найбільш радикальних версіях, або на трансформацію у герменевтику, культурну антропологію тощо у більш поміркованих варіантах прощання з філософією» [5, с. 70]. Продолжая свою мысль, В.Завгороднюк обозначает, что в последнее время появились попытки объединить модернистское и постмодернистское интерпретирование языковых игр. И с этим трудно не согласиться, так как в данном смысле можно рассматривать и философскую позицию К.Апеля, не отрицающего положения Л.Витгенштейна о разнообразии языковых игр в коммуникационном сообществе, и пытающегося, в тоже время, поставить их в зависимость от своей "идеальной" языковой игры. Само понимание К.Апелем языковой игры, скорее всего, базируется именно на объединении метадискурсивного понимания языковых игр и их рассмотрении как плюрального концепта.

В целом, смысловое содержание языковой игры у Л.Витгенштейна и К.Апеля имело под собой различные основы. В которых Л.Витгенштейн исходил из несовместимости прагматики языка, его уникальности, К.Апель – из общей значимости трансцендентальной языковой игры для любого дискурсивного пространства. Сходным все же является их понимание языковых игр как тех важнейших элементов, которые обеспечивают процесс социального взаимодействия и взаимопонимания в социуме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апель К.-О. Витгенштейн и проблема герменевтического понимания / К.-О. Апель // Трансформация философии; [пер. с нем. В.Куренной; Б.Скуратова] — М.: Логос, 2001. — С.61—102.
2. Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук / К.-О. Апель // Трансформация философии; [пер. с нем. В.Куренной; Б.Скуратова] — М.: Логос, 2001. — С.193—236.
3. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // Трансформация философии; [пер. с нем. В.Куренной; Б.Скуратова] — М.: Логос, 2001. — С.237—262.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Языки как образ мира. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — С.220—546.
5. Завгороднюк В.П. Лінгвістичний поворот і філософія постмодернізму / В.П.Завгороднюк // Гуманітарний вісник: всеукр. зб. наук. праць. Число 18. — Черкаси: ЧДТУ, 2012. — Вип.2. — С.61—71.
- a. 6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; [пер. с фр. Н.А. Шматко] — М.; СПб.: Алетейя, 1998. — 160с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. — 280с.
7. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов / Ф.Ницше; [пер. с нем. С.Франка]. — СПб.:Азбука, 2012. — 384с.
8. Остин Дж. Три способа пролить чернила: философские работы / Дж. Остин; [пер. с англ. В.Кирющенко] — СПб.: Алетейя, 2006. — 335с.
9. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. — 1040 с.
10. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю.Е. Прохоров. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 224с.
11. Соина И. Ю. Лингвистическая теория «философии языка» / И. Ю. Соина // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. — К.: ВІР УАН, 2012. — Вип. 58(№3). — С. 365—369.

Лопуга О. І. – старший викладач кафедри культурології філософського факультету Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова.

УДК : 130.1

ДУХОВНА КУЛЬТУРА СТУДЕНТСЬКОЇ МОЛОДІ В УМОВАХ ТРАНСФОРМАЦІЇ СУСПІЛЬСТВА

Частина II

У статті розглядаються проблеми духовного розвитку молоді, питання формування нової людини, нових ціннісних орієнтацій, які мають універсальне значення і повинні охопити весь виховний процес.

Ключові слова: *молодь, цінності, духовна культура.*

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Часть II

В статье рассматриваются проблемы духовного развития молодежи, вопросы формирования нового человека, новых ценностных ориентаций, которые имеют универсальное значение и должны охватить весь воспитательный процесс.

Ключевые слова: *молодёжь, ценности, духовная культура.*